

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

ИВАН РОДИОНОВ
Литературный критик, блогер, редактор. Родился в 1986 году. Публиковался на порталах «Год литературы» и «Горький», в журналах «Новый мир» и «Юность», в «Российской газете» и «Литературной газете» и еще в двух

десятиках СМИ. Автор книг «сЧетчин. Путеводитель по литературе для продолжающих» (2020) и «На дно, н звездам. Заметки об отечественной литературе 2019–2021 годов» (2022). Обладатель премии «_Литблог» (2021) от «Большой книги» за лучший книжный блог

года и премии «Гипертенст» (2023). Член Большого жюри премий «Национальный бестселлер» (2021), имени В. Натаева (2022, 2023) и «Ясная Поляна» (рабочая группа, 2022, 2023). Член жюри номинации «Выбор блогеров» премии «Лицей» (2022, 2023).

Третий сезон премии имени В. Натаева завершен. Победителем стал Роман Сенчин с рассказом «Темир-орлан». Заслуженно? Да, вполне. Однако каждый из десяти финалистов, простите за банальность, — тоже победитель. Заявок было около полутора сотен, и до шорт-листа добралось лишь десять рассказов. И, как давно известно, лучше всего о премии (да и текущей литературе) говорят именно короткие списки.

Попробуем проанализировать рассказы всех десяти финалистов премии — и подвести кое-какие итоги сезона.

ВЛАДИМИР ЛИДСКИЙ, «МЕРТВЫЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ»

Пожалуй, наиболее сложно интерпретируемый рассказ из шорт-листа. Двенадцать страниц одним предложением задают бешеный темп, и повествование несется без рамок, без границ, а порой и без руля с ветрилами — как сама судьба.

Жизнь Машни, родившейся в 1919 году и натерпевшейся невзгод от родного отца, пронесится перед глазами читателя вихрем: Лолитино детство, месть за унижения, война, аресты-амнистии, бандиты, убийства, лагерь, кровавый финал... Ан жизнь прошла, да и век прошел.

Рассказ «Мертвые ничего не знают» оставляет читателя в некотором замешательстве. Материала в этом небольшом тексте — на добрый роман. Можно было бы сказать, что это схема, план чуть ли не эпопеи. Однако стиль и язык автора (а как колоритны и совсем не клюквенны все эти *тетешкаты*, *кунчишка*, *мерзавчик* и т. д.) подобному упрощению всячески сопротивляются, и в голове возникает странный диссонанс: жанр рассказ-эпопеи, естественно, существует. Ну и самоприветы (дело происходит в польском городе Лиде, Машнин отец — лидский литвин) выглядят как-то мило.

КИРИЛЛ РЯБОВ, «МАЛЕНЬКИЙ Г.»

Самый веселый рассказ шорт-листа — и одновременно с самой неразрешаемой коллизией. Завязка проста — выясняется, что дошколенка-пятилетку зовут... Гитлером. Воспитательский состав детского сада не называет его по имени — но бесконечно так продолжаться, разумеется, не может. Что делать?

Предложений хватает. Можно заставить мальчика «отсидеть за чужие грехи». Точнее, профилактически отстоять полчаса в углу. Ибо если был детский крестовый поход, то почему бы не случиться и потешному Нюрнбергскому трибуналу в отдельно взятом детском саду? К счастью, до этого не доходит. Ни к чему не приводит и диалог глухих со странными взбалмошными родителями мальчика. Воспитательница делает что может — а не может, увы, ничего. К слову, у нее недурные задатки художника, да и отношения с собственным ребенком у нее, как выясняется к финалу рассказа, не очень-то и складываются.

Можно прочесть «Маленького Г.» по-разному — как притчу о сапожнике без сапог, как сатиру на культуру коллективно-бессознательной ответственности или как-то еще. В любом случае рассказ ставит читателю вопросы, однозначных ответов на которые не предполагается.

АННА МАРНИНА, «РЫБА МОЯ РЫБА»

Хорошая традиция: когда за взрослые рассказы берется детский писатель, есть вероятность локального чуда — см. прошлогодний триумф на премии имени В. Катаева Софьи Ремез. Анна Марнина в этом году почти его повторила.

«Рыба моя рыба» — рассказ в диалогах с элементами вербатима и, пожалуй, самым пронзительным финальным твистом среди всех текстов шорт-листа. По сюжету мальчик Саня тяжело переживает смерть бабушки и решает, что ее душа переселилась в тело анвариумной рыбы. Он не хочет ходить в школу, чтобы не оставлять ихтиобабушку одну. Однако учительнице приходит в голову неожиданное решение — рыбку можно брать с собой в школу в контейнере-переноске...

Концовка рассказа не то чтобы пессимистична — скорее, увы, трезва. Остается только догадываться (и ужасаться), как на герое-ребенке отразится вся эта нездоровая ситуация. Хотя — страшная мысль! — возможно, взрослые в чем-то были и правы. Недаром рыбку-бабушку звали Нрючком (англ. small trigger) — триггер, как известно, триггером вышибают.

ВАЛЕРИЯ ФРОЛОВА, «ПО ПЯТНИЦАМ ТАНЦУЕМ»

Рассказ Валерии Фроловой — аллегорический, подернутый поэтической дымкой, то ли требующий расшифровки, то ли принципиально ее не предполагающий.

Девочка-героиня живет с медведицей (привет Евгении Некрасовой). Медведица варит щи, тайком курит и пестует собственное одиночество. А девочка ходит в кружок, ненавидит соседнюю семью и тоскует по матери.

Скорее всего, все просто: мама девочки умерла и она живет с бабушкой — недаром у Медведицы есть седина. Но почему тогда девочку закапывает в землю муравей? Отчего ее купает солнце? И как интерпретировать танец под музыку крика боли?

Наверное, без дотошной расшифровки даже лучше. Пронзительнее.

АННА МАТВЕЕВА, «СВЕЧА СВЯТОЙ АННЫ»

Пару лет назад у писательницы вышла книга «Нартинные девушки». В ней рассказывалось о судьбах натурщиц, помощниц, вдохновительниц великих художников прошлого. Пусть Матвеева и предупреждает: «Икона — не портрет. А все же лин», — рассказ «Свеча святой Анны» выглядит бонусом, дополнением к «Нартинным девушкам». Причем с легким, но явственным налетом автобиографичности. При чтении не покидает ощущение, что, рассказывая нам историю своей тезки святой Анны Нашинской и посвященной ей иконы, писательница отчасти пишет и о себе, тоже становясь своего рода «картинной девушкой». А небольшой частный опыт — борьбы с нурением — разрастается до масштабов вполне притчевых:

«Надо было, наверное, простереться перед иконой — как простираются правильные богомольные люди. Упасть, выставив на всеобщее обозрение подметки. Но я всего лишь стояла упрямо перед образом и думала: вот никак не отпускает меня земное, поверхностное... Не зачтется мне эта молитва. Купила свечу, опалила с одной стороны, зажгла и поставила, укрепив в вьетжке. Захотелось курить. Вот тебе и богомолье».

И да. Текст не новейший, но насколько, простите за штамп, актуально звучат и эпиграф из Ремарка, и два финальных предложения: «Святые сами знают, кому и какой нужен знак. А нам, грешным, надо лишь вовремя очнуться».

ВЕРА БОГДАНОВА, «НОГДА ОНА СТАНЕТ ХОРОШЕЙ»

По одной из общепринятых гипотез, когда звезда умирает и ее ядро сжимается до критически малых размеров, появляется черная дыра. Натурально — мертвое солнце схлопывается во всё засасывающую пустоту, не пропускающую ни крупинцы света. Такая вот, извините, supermassive black hole.

Сюжет короткого рассказа «Когда она станет хорошей» прост и фабульно безыскусен. Маленькую Ленну, как канат, перетягивают друг к другу разошедшиеся родители — вечно усталая задерганная мама и пьющий папа. Ленна воспринимает происходящее по-детски отстраненно. Однако когда тебя все виноватят и прессуют, поневоле сожмется даже прилежная отличница. И черная дыра уже начинает в ней вызревать.

Этот рассказ — квинтэссенция творческого метода Богдановой, знакомого нам по ее двум успешным романам. С одной стороны, она пишет о темах, которые кому-то могут показаться мейнстримом или даже «повестной», — детских травмах, нездоровых отношениях, насилии в адрес женщин... С другой стороны, ей удается не отталкивать от себя самую широкую читательскую аудиторию. В ее текстах нет черно-белой утрированности и полемических обобщений, стилистического треска, чрезмерной физиологичности или пламенных манифестов. Зато есть тонкие цепляющие истории о маленьких (но не мелких) людях. И это работает.

Рецепт кажется простым, однако следовать ему у нас почему-то мало кому удается.

ЕВГЕНИЙ КРЕМЧУКОВ, «СОЦВЕТИЕ»

У полтавского священника чахнет от болезни сын, первенец Иоанн. Убитый горем отец прибегает к последнему, греховному средству — обращается за помощью к ведунье. А та, в свою очередь, ставит перед

ним страшную дилемму — дилемму выбора между жизнью старшего сына и судьбой младшего, блаженненького.

Поэтическая, полная рефренов и звукописи проза Евгения Нремчукова на первый взгляд может показаться медитативной, а финал рассказа — открытым. Но это впечатление обманчиво. Ствол текста прочен, его сердцевина крепка — и из нее прорастают пышные побеги, за которыми главного поначалу можно и не заметить. Но листву можно и нужно раздвигать руками.

Тогда-то главное и увидишь: меньшего из зол не бывает. Бывает так, что всякий выбор — неверный. И за пазухой, в сторонке и с краю всю жизнь не прожить — чего убоишься, тем тебя и проверят. И знаки когда-нибудь обязательно кончатся, и Богу надоест вечно нянчиться с чадом своим, пусть и самым послушным и любимым, — настало время выбирать самому.

Остается только мужественно принимать трагедию и личную вину. И да — иногда это сложнее, чем пребывать в нравственной чистоте.

ИГОРЬ БЕЛОДЕД, «НЕУМИРАЮЩИЙ»

Столетний дед Наты, подобно то ли Нарамазову-старшему, то ли герою марнесовской «Осени патриарха», очевидно зажился на свете и методично превращает жизнь окружающих в ад — скандалами, выходными, напризами. И ненавистью — горячей, вспылчивой, безосновательной. «Заморить бы его или отравить», — думает Ната. Однако происходит все ровно наоборот — дед сначала прозревает, потом встает с инвалидной коляски. А еще ему дают новую квартиру. Назалось даже, что в финале он вообще расправит крылья (возможно, ножистые) и улетит. Но все произошедшее, кажется, только сильнее его ожесточает.

Лобовая расшифровка текста — про неубиваемую архаику, глушащую все молодое и живое и претендующую на вечность, — не слишком интересна, ибо слишком очевидна. Но дед-мизантроп в изображении Белодеда не просто отвратителен — он по-настоящему хочет жить, пусть и не знает зачем. В нем сохраняются и сила, и воля. А его антагонистка Ната — не холодна и не горяча. И все прочие герои рассказа, включая эпизодических, будто находятся в каком-то чеховском сонном оцепенении — и потому симпатий не вызывают тоже. Каждый день по-гетевски выходить на бой за свое счастье они не готовы — и не способны ни на геройство, ни на злодейство.

И оттого юридивый спич деда кажется не только насмешной, но и горьким унором:

«Слышите! Время в вас самих, а вовне нет никакого времени, поняли! Кужит вам! Это значит, если внутри себя вы убьете время, то вы станете вечными! Слышите?»

РАГИМ ДЖАФАРОВ, «В БУДУЩЕЕ ВОЗЬМУТ НЕ ВСЕХ»

«В будущее возьмут не всех» — пожалуй, самый светлый рассказ короткого списка. Оставляющий надежду и по-хорошему сентиментальный.

Три представителя трех разных поколений — сын, отец, дед — собираются на Новый год дома у последнего. Шутки-поднолы, холодец, шампанское, речь президента... Но что-то на этот раз пошло не так:

↑ Сергей Шаргунов, председатель жюри, и Роман Сенчин, лауреат, на церемонии объявления лауреата премии имени В. Катаева

«...Было принято непростое решение, – продолжал телевизор куда более тяжелым, тревожным тоном. – Так как времени на раскачку нет, всех граждан, не выполнивших условия программы, решено не брать в новый, 2022 год. Иными словами, новый год наступит не для всех. Несчастливых в будущее не возьмут.

Все удивленно уставились в экран. В этот момент погас свет. Пару секунд все сидели в абсолютной темноте и тишине. Потом выстрелила пробка от шампанского».

Гаснет элентричество, новый год не приходит — и, чтобы исправить ситуацию, мужчинам приходится формулировать и начинать исполнять собственные потаенные желания. И оказывается, что вовсе не плохим людям все же всегда есть куда расти — выше, к счастью.

Да, сюжет рассказа выглядит немного сериальным, а финал — и вовсе идиллическим. Но, во-первых, все логично — жанр рождественской истории обязывает. А во-вторых, пробуждать чувства добрые вопреки трендам на хтонь — дело далеко не очевидное.

РОМАН СЕНЧИН, «ТЕМИР-ОРЛАН»

Если говорить о малой прозе, то Романа Сенчина бывает два — классический и классический+. Классический Сенчин — когда написано хорошо, но у героев все страшно и беспросветно, и эта безнадега волей-неволей передается читателю. Но иногда что-то неуловимо меняется. Не на уровне вымученных хеппи-эндгов или авторского морализаторства — такого у Сенчина не бывает никогда. Однако вдруг мелькнет что-то такое — на уровне интонации, самого малого регистра — и самые мрачные сюжеты уже не ввергают читателя во мрак, но оставляют ему некую надежду. Такое вот малообъяснимое чудо.

У Галины Павловны — тяжелая форма астмы. У врача Зои Сергеевны — несложившаяся личная жизнь. А у мальчика по имени Темир, выдающегося наездника, — гепатит, и ему осталось недолго. Закончится все трагично и, увы, ожидаемо. Что ж, такова жизнь, — мама, мы все тяжело больны.

Но само внешне бессмысленное решение мальчика, добровольно ускорившее его смерть, отчего-то кажется наиболее достойным — в подобной-то патовой ситуации. Помните классическую пушкинскую притчу, вложенную автором в уста Пугачева? Ту самую, про Ворона и Орла? Это она и есть.

И отчего-то кажется, что у обеих женщин жизнь после произошедшего обязательно изменится. У Зои Сергеевны с ее пылким характером и нерастраченным запасом любви — уж наверняка.

Ну и немного выводов.

Радостно, что интерес к малой прозе растет год от года. Еще недавно читатели с неохотой покупали даже сборники рассказов признанных мэтров. К счастью, ситуация медленно, но верно выправляется. Более того, у нас есть авторы, которые на малой прозе бунвально специализируются, и ни одного романа у них просто нет — Евгения Некрасова, Павел Селуков (победитель первого сезона премии имени В. Катаева)... Пробуют свои силы в жанре рассказа и совсем молодые авторы.

А главной темой литературы 2023 года неожиданно стала трагическая судьба ребенка. Премию «Ясная Поляна» выиграла Саша Николаенко с романом «Муравьиный бог. Реквием». В этот текст о жутком детстве одного мальчика избыточность была заложена стилистически, и судьба романа сложилось хорошо. Однако традиционная и наиболее удобная форма повествования о судьбе ребенка — все-таки малая. Достаточно вспомнить циклы повестей Гарина-Михайловского, Л. Толстого, Горького, А. Н. Толстого...

И вот тенденция: в пяти (!) текстах короткого списка премии имени В. Катаева детским судьбам посвящена главная сюжетная линия, еще в четырех — она одна из побочных. Объяснений этому феномену может быть много. Предложим: детские травмы взрослых, которые некоторые писатели продолжают новырять и сейчас, — это, извините, в 2023 году зрелище и вторичное, и какое-то неуместное. Но дети... Как в них впоследствии отзовется боль? Чем прорастет — цветами зла или добра?

Или все мы сейчас в какой-то степени дети — беззащитные перед неизвестностью, перед холодной поступью истории?

Поживем — увидим. Главное — вопросы заданы.

А еще в трех рассказах из десяти внезапно в качестве детали неблагополучия выступает рассольник. Ну это, конечно, перебор. Вкусно же.

